

К. А. ОСИПОВА

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ И ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В ВИЗАНТИИ X в.

X век в истории византийского государства был периодом утверждения феодального способа производства.

В свободной сельской общине, упрочившейся в империи в период VII—VIII вв. в результате славянских вторжений, в X в. начинается бурный процесс внутреннего разложения. Все более углубляется внутренняя дифференциация византийского общинного крестьянства, приводящая в итоге к обезземелению его основной массы и выделению крупных земельных собственников.

Процесс разложения сельской общины, создавший необходимую основу для развития феодализма в Византии, усугублялся в результате вторжений в общину представителей крупного феодального землевладения и захватов последними крестьянских наделов.

Следствием этих процессов был повсеместный рост крупных феодальных поместий и закрепощение феодалами общинного крестьянства.

В задачу данной статьи входит изучение развития процесса феодализации в Византии X в.

Не претендуя на исчерпывающее освещение указанной темы, мы ограничиваемся здесь рассмотрением двух основных вопросов: складывания феодальной собственности на землю и формирования феодальной зависимости византийского крестьянства.

Методы захвата общинной земли феодалами в Византии были многообразны. С целью вторжения в общину византийские феодалы—динаты—прибегали часто к всевозможным юридическим сделкам, прикрывая свое насилие соблюдением известной внешней законности совершаемого акта. До издания первых императорских новелл 922 и 934 гг. обычной и фактически не ограничивавшейся никакими юридическими преградами была практика приобретения крестьянских земель в результате покупки, дарения, завещания¹.

По свидетельству новелл, динаты к своим родовым, полученным по наследству владениям, составленным „грабежом и обманом“, прикупали от односельчан „немногие и небольшие уголья“ (*σμηρά καὶ ὀλίγοστά*)², строили на них новые здания, мельницы, разводили виноградники и сады. Иногда феодалы покупали не только отдельные участки земли в деревнях, но и всю землю данного села. Таким образом вся община попадала в зависимость³.

¹ Jus, III, p. 240.

² Ibid., p. 299.

³ Ibid., p. 246.

Динаты вступали в фактическое владение крестьянской землей в результате аренды последней¹, а также под видом „помощи и защиты“ (ἐπί τῆν προστασίαν καὶ συνδρομήν)², т. е. патронатных отношений с крестьянами. По поводу этих отношений очень ясно высказался патриарх Иоанн Антиохийский, сравнив харистикария с динатом, притесняющим бедного свободного крестьянина. Динат, говорит он, движимый якобы состраданием к бедному, желая проявить о нем „заботу“, „прикажет вместе с всем его имуществом заодно отнять у него и свободу и превратить его в раба: пусть же он не подвергается притеснениям. Но ведь это только притворство и пустой предлог“³. Византийские феодалы широко использовали право сорокалетней давности, обеспечивавшее им вплоть до 996 г. — времени издания Василием II новеллы, формально отменившей это право, — возможность беспрепятственного расширения своих владений. Как указывается в новелле 996 г., динаты старались „то посредством дружбы и подарков, то посредством присущей им силы и влияния миновать как-нибудь этот срок и затем получить уже полное право собственности на то, что они недостойным образом приобрели от бедных“⁴.

Новое императорское законодательство X в. в известной степени ограничивало захватнические действия византийских феодалов, однако ни в коей мере не могло их пресечь. Актовый материал X в. показывает, что в большинстве случаев сделки производились совершенно свободно, без всяких ссылок на существующее законодательство⁵. В некоторых случаях, когда имеются слабые апелляции к действующим законам, последние большей частью ловко обходились, более того — использовались крупными феодальными собственниками в своих интересах. В качестве примера можно рассмотреть один из афонских актов из архива Перистерского монастыря св. Андрея близ Фессалоники⁶. Акт составлен по случаю отчуждения неким клириком Давидом владений (гончарного эргастерия и участков пахотной земли со строениями), полученных им по наследству от своей матери Феодоры. Будучи связанным с Перистерским монастырем, Давид земельные участки подарил, а эргастерий продал игумену монастыря Стефану. Против этой сделки запротестовали некоторые из соседей, и среди них особенно друнгарий Иоанн, пытавшийся силой и с помощью всевозможных юридических ухищрений лишить Стефана его вновь приобретенных владений (βικίως ἀποτῆ ἐπιτιθέμενος καὶ παρὰ πάσαν δικαιολογίαν ἐξῆσαι τοῦτον ἐκείθεν μηχανώμενος). При этом Иоанн в качестве главного аргумента против Стефана выдвинул обвинение в том, что подобная сделка противоречит существующему законодательству, ибо соседями владений Давида являются бедные крестьяне и им прежде всего принадлежит право приобретения этих участков. При разборе дела выяснилось, однако, что этими крестьянами были проскафимены динатов, которые не претендовали на участки в силу своей бедности, и что, таким образом, их право на предпочтении Иоанн хотел использовать для расширения своих владений.

Помимо внешне „законных“ способов приобретения крестьянских земель, византийские динаты часто прибегали к прямому насилию. Про-

¹ Jus, III, p. 246.

² Ibidem; И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. „Изв. АН СССР“, 1931, № 5, стр. 708—709.

³ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1879, № 4, стр. 409.

⁴ Jus, III, p. 308.

⁵ Lavra, № 17.

⁶ Ibid., № 2.

должатель Феофана рассказывает, что „динаты вторгаются в села и путем грабежа приобретают для себя проастии“¹.

Новелла 937 г. Романа Лекапина недвусмысленно указывает на характер этих вторжений и захватов общинных земель. „Злоупотребление властью со стороны таких лиц, — говорит новелла, — являющихся в села со множеством слуг (τῶ πλήθει τῶν οἰκετῶν), мистиев (τῶν μισθαρνούντων) и всякого рода спутников (τῶν ἄλλως ἐπιτραχόντων καὶ συνόντων), не только увеличивает тяготы бедных и влечет за собой восстания (τὰς ἐπαναστάσεις), преследования (διώξεις), барщину (ἀγγαρείας), притеснения, вымогательства, но и служит к непосредственному и немалому государственному ущербу и вреду“².

Складыванию крупной феодальной собственности на землю способствовало также развитие практики земельных пожалований динатам, дававшихся, как утверждает новелла 963 г., „в знак особой милости“³. Они приобрели распространение во второй половине X в. и явились первым шагом, предвращавшим государственную политику земельных пожалований динатам, известных под именем проний.

Результатом массового наступления крупного феодального землевладения на сельскую общину явился повсеместный рост крупных феодальных поместий.

Особенно интенсивно процесс феодализации шел в Малой Азии. Малоазийские фемы: Фракисийская, Анатолик, Армениак — упоминаются в новеллах как очаги наиболее массовых „злоупотреблений“ динатов в отношении свободного крестьянства.

С развитием процесса феодализации в малоазийских фемах знакомит житие Феодора Гаврского, свидетельствующее об усилении здесь власти влиятельных земельных магнатов, которые в большинстве случаев занимали должности стратигов⁴.

Как свидетельствует новелла 996 г., крупнейшие аристократические фамилии Малой Азии, в частности, роды Малеинов и Фокадов, зачастую состояли в родстве с императорами и поддерживали в течение 70—100 лет значение своего рода и свое благосостояние⁵. Поместья византийских динатов состояли, как правило, из многих видов земельных владений. Расположенные в Малой Азии владения протоспафария Воилы (XI в.) объединяли, например, более полутора десятков различных видов сельских поселений: здесь и просто села (τὸ χωρίον), здесь и проастии, и владения, обозначенные несколько неопределенным термином κτήμα, здесь и центральная усадьба (οἰκημα) с церковью, заново отстроенная владельцем при переезде из родной Каппадокии на восток, в Антиохийскую фему, в дикие, необжитые места, которые, как явствует из завещания Воилы, он сумел быстро „освоить“ и „подчинить“⁶.

Значительную силу в качестве крупных коллективных феодальных собственников в X в. приобретают монастыри. В этот период монастыри возникают по всей территории византийского государства, причем

¹ Theophanes Continuatus, Bonnæ, 1838, p. 447. Ср. также Jus, III, p. 253. В Пире (Πεῖρα, XLII. 18) приводится интереснейший случай, когда протоспафарий Роман Склир учинил насилие над крестьянами и совершил набег на их дома (εβιάσατο τινὰς χωρίτας καὶ ἐπῆλθε κατὰ τῆς οἰκίας αὐτῶν). Ср. также Πεῖρα, XLII. 19.

² Jus, III, p. 247.

³ Ibid., p. 290.

⁴ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 191.

⁵ Jus, III, p. 309, 310.

⁶ П. В. Безобразов. Завещание Воилы. ВВ, т. XVIII, 1911, отд. 3, стр. 107—115.

особенно интенсивно строительство монастырей шло в районе Фессалоники, на Афоне, в Константинополе, Афинах, в Малой Азии¹. Рост монастырской собственности происходил при прямом содействии византийского государства.

Основание монастыря часто сопровождалось официальными императорскими пожалованиями. Так, многие Афонские монастыри — Лавра Афанасия, Грузинский, Ксенофонтон — получили при основании хрисовулы императоров с пожалованиями различных владений².

В виде официальных пожалований в собственность монастырей переходили земли бежавших стратиотов³.

Указами императоров под власть крупных монастырей передавались более мелкие монастыри. Показательна в этом отношении история двух известных в первой половине X в. монастырей — Иоанна Колову на Афоне и св. Андрея в местечке Перистерях близ Фессалоники. За сравнительно короткий период оба монастыря, получив от государства налоговые привилегии, накопили значительные богатства.

Однако возникновение на Афоне во второй половине X в. новых крупных монастырей привело к поглощению ими более мелких феодальных владений, в числе которых со временем оказались оба вышеназванных монастыря. Это говорит не столько об упадке монастырей, сколько о силе их противников, о росте и несравненно большем значении новых быстро крепнувших феодальных поместий. Расширение монастырских владений шло также за счет мелких монастырей в сельских общинах. „Какой-нибудь крестьянин, — говорит новелла, — строит на своем участке церковь и приписывает к ней собственный участок. Затем делается сам монахом и поселяется при церкви. Так же поступают еще один и другой крестьянин...“⁴. С течением времени такие мелкие монастыри переходили под власть местных митрополитов, расширялись, число монахов в них возрастало. Проникая подобным образом в сельские общины, монастыри постепенно подчиняли себе местное население, так что значительная часть крестьян оказывалась в той или иной степени связанной с церковью.

Монастыри повсеместно вели широкое наступление на свободные крестьянские общины, в результате чего, по словам новеллы, „целые селения не только испытывают притеснения, но и совсем перестают существовать, заедаемые монастырями“⁵. Добычей монастырей становятся значительные в X в. фонды выморочных земель (*κλάσματα*)⁶. В своей приобретательской деятельности монастыри используют самые бесчестные средства, вплоть до обращения в монашество обманным путем намеченных ими жертв, владевших известным состоянием⁷, и подделки императорских хрисовулов⁸.

¹ И. Соколов. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII в. Казань, 1894, стр. 97.

² Lavra, № 6; П. Успенский. История Афона. Киев, 1877, ч. III, стр. 203; K. Lake. The Early Days of Monasticism on Mount Athos. Oxford, 1909, p. 103.

³ Jus, III, p. 290.

⁴ Ibid., p. 313.

⁵ Ibidem.

⁶ Lavra, № 3; ср. F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung... München, 1927, S. 189—190.

⁷ Евстафий Фессалоникийский. Об исправлении монастырской жизни. В кн.: В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1879, № 4, стр. 435—436.

⁸ Подобный факт известен из истории афонского монастыря Иоанна Колову. K. Lake. Op. cit., p. 84—86.

Отдельные византийские монастыри в X в. превращаются в крупнейших феодальных собственников, чьи аппетиты растут вместе с увеличением богатств. Именно к такого рода монастырям относятся слова одной из новелл: „Каждый день они стараются приобретать тысячи плетров земли, строят роскошные здания, разводят превышающие всякое число табуны лошадей, стада волов, верблюдов и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, так что монашествование уже ничем не отличается от мирской жизни...“¹.

Одним из наиболее богатых на Афоне был Грузинский монастырь, построенный в 980—985 гг. Этому монастырю принадлежали значительные владения в Македонии, Грузии, под его власть перешли монастыри Афо, Иоанна Колову и Климента на Афоне и монастырь Леонтия в Фессалонике (980 г.)². Грузинский монастырь был независим от афонского протата и пользовался покровительством византийских императоров. В X в. на Афоне значительной силы достигают такие монастыри, как Ватопед, Ксенофонов, Филофеев, Кутлумуш, Эсфигмен, Зограф и другие. К концу X в. в афонских монастырях насчитывалось уже 3000 монахов, под Уставом 971 г. поставили подписи 42 наиболее видных игумена³.

Конкретной иллюстрацией формирования крупного феодального поместья может служить история Лавры Афанасия — крупнейшего монастыря на Афоне.

Этот монастырь был построен по желанию и при прямой поддержке императора Никифора Фоки. Его формальный основатель, первый настоятель и один из виднейших деятелей афонского монашества, Афанасий, был типичным представителем господствующего класса⁴.

Постройке Лавры в 963 г. предшествовало приобретение Афанасием в южной части Афонского полуострова значительных по местным масштабам земельных участков. Лавра Афанасия быстро начала приобретать земельные владения в различных местах Афонского полуострова и вне его. Одним из первых под власть Лавры перешел в 964 г. упомянутый выше монастырь св. Андрея. В том же году Никифор Фока издает хрисовул о пожаловании Лавре в виде солемния из фонда государственных податей острова Лемноса 244 золотых монеты в год⁵. Лавра получает привилегии императорской юрисдикции⁶.

Пользуясь поддержкой правительства, Лавра интенсивно расширяет свое хозяйство, разводит виноградники, скот, развивает торговлю. В 971 г. Лавра насчитывала уже 120 монахов, живших не только в самом монастыре, но и в различных его метохах⁷.

В 978 г. хрисовулом Василия II, продолжавшего в отношении монастыря покровительственную политику своих предшественников, Лавре были пожалованы в виде ежегодного дохода из императорской казны 10 талантов серебра⁸.

Даже на основании незначительного количества сохранившихся источников можно в хронологической последовательности проследить

¹ Jus, III, p. 292. О развитии монастырского хозяйства богатые сведения содержит Афонский устав 971 г. Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, S. 145, 146, 154—155.

² K. Lake. Op. cit., p. 103.

³ И. Соколов. Указ. соч., стр. 237.

⁴ П. Успенский. Указ. соч., стр. 68.

⁵ Ph. Meyer. Op. cit., S. 114, 115.

⁶ Lavra, № 6.

⁷ Ph. Meyer. Op. cit., S. 114.

⁸ Lavra, № 7.

дальнейший рост земельных владений Лавры в последние годы X и в первой половине XI в.

В 985 г. Лавра получает от Грузинского монастыря на Афоне остров Неон вместе с хрисовулом на владение им, данным ранее Василием II Грузинскому монастырю¹.

В 989 г. Лавра получает от патриарха Николая Хрисоверга монастырь τῆς Γομάτου, расположенный в районе Ериссо².

В 993 г. Лавра покупает за 70 номисм монастырь на острове Γυμνο-τελευγῆσιων³.

В 991—993 гг. Лавра получает несколько владений от протата. Среди них участок Платюс с рыбными ловлями, расположенный в районе Стелатри на Афоне, а также три „морских места“ (ἀλιότοπια)⁴. В 999 г. Лавра получает от протата монастырь Моноксилита, „пустынный и совершенно бедный“, причем в акте особо подчеркивается, что в руках Лавры запущенные и бедные монастыри постепенно приходят в отличное состояние, развивают свое хозяйство, число монахов в них увеличивается, строятся новые здания⁵.

В 1013 г. Лавра получает в виде дарения стась Константина и Марии Лагуды, включающую усадьбу и несколько видов земельных угодий, расположенных в различных селениях⁶.

В 1023 г. Лавра присоединяет Армянский монастырь в Ксирокастре⁷.

В 1057 г. следует очередное императорское пожалование: Михаил VI Стратиготик к 8 литрам 20 номисмам, данным ранее Лавре его предшественниками, и к 10 литрам, пожалованным им самим несколькими афонским монастырям, добавляет 3 литры специально для Лавры⁸.

Столетие существования Лавры Афанасия — это, таким образом, период непрерывного роста ее земельных владений, пополнявшихся помимо захватов крестьянских земель за счет императорских пожалований, в результате покупок земельных участков у отдельных собственников, подчинения мелких монастырей, пожалований со стороны афонского протата и т. д.

Развитие Лавры — это постепенный процесс формирования крупного феодального поместья, пользующегося привилегиями центральной власти, с каждым годом все более и более обособляющегося как самостоятельный, независимый хозяйственный комплекс.

Складывание феодальной собственности как основы феодального общества было решающим фактором становления и развития феодального строя в Византии. Развитие феодальной собственности влекло установление феодальной зависимости класса непосредственных производителей — крестьян. Для феодального хозяйства, по словам В. И. Ленина, „необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землей в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки... Условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего

¹ П. Успенский. Указ. соч., стр. 331.

² Lavra, № 8.

³ Ibid., № 12.

⁴ Ibid., № 10.

⁵ Ibid., № 13.

⁶ Ibid., № 17.

⁷ Зорг., № 2; Actes de Zographou, ВВ, т. XIII, 1907, прилож., стр. 4—7.

⁸ Lavra, № 27.

свое хозяйство. Необходимо, следовательно, „внеэкономическое принуждение“, как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина“¹.

Принимая во внимание ограниченное количество источников, мы не сочли возможным во всей широте поставить вопрос о феодально-зависимом крестьянстве X в. В нашу задачу войдет лишь рассмотрение путей и средств вовлечения крестьян в феодальную зависимость в этот период. Обратимся, прежде всего, к арендным отношениям.

После аграрного переворота VII—VIII вв. арендные отношения фиксируются Земледельческим законом. Следовательно, мы имеем возможность констатировать наличие арендных отношений уже в пределах сельских общин. Земледельческий закон упоминает аренду двух видов угодий — пахотной земли и виноградника. Необходимость брать землю в аренду, как об этом сообщает Земледельческий закон (ст. 10—16), вызвана крайней нуждой крестьянина в земле и, следовательно, его предшествующим обезземелением, или же полным обнищанием, отсутствием необходимых орудий труда, невозможностью обработать имеющуюся у него землю. В результате крестьянин либо сам вынужден арендовать землю у своих односельчан или крупных землевладельцев, либо отдавать в аренду свой клочок земли. Таким образом, арендные отношения, отраженные в Земледельческом законе, усугубляя расслоение общинников, способствовали созданию некоторых элементов феодальной зависимости уже в рамках сельской общины.

В X в., в условиях интенсивного процесса разложения общины, складывания крупного феодального землевладения и закрепощения крестьянства, аренда играла двоякую роль.

Прежде всего, исходя из свидетельства новеллы 922 г., — аренда (*μισθωσις*) в первой половине X в. широко применялась динатами с целью захвата крестьянских наделов в общинах. Динаты брали в аренду участки обедневших общинников², и, судя по тому, что новелла упоминает этот вид сделок в числе прочих средств захвата крестьянских земель — наследования, покупок, дарений, патроната, — земля эта навсегда оставалась в руках динатов.

С течением времени, в процессе роста крупных феодальных поместий с значительным фондом домениальных земель, динаты стали использовать аренду уже в иных целях, а именно непосредственно для привлечения на свои, часто пустовавшие из-за недостатка рабочих рук земли крестьян, ранее лишенных земли в результате наступления феодалов на сельскую общину, т. е. в итоге — в целях закрепощения крестьянства.

Материалы источников X в. позволяют признать широкое распространение аренды на домениальных землях феодальных поместий.

Житие Павла Латрского свидетельствует об использовании труда арендаторов для обработки императорских доменов Малой Азии³.

Из Патмосской писцовой книги известно, что в проастинах, пожалованных в 1073 г. императором Михаилом Дукой его двоюродному брату Андронику, в аренду сдавались в значительных количествах пахотная земля, пастбища, сады, масличные и дубовые рощи⁴. Труд арендаторов

¹ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 158—159.

² Jus, III, p. 240.

³ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 196.

⁴ ММ, VI, p. 4—15.

применялся в обширных антиохийских владениях протоспафария Воилы¹.

Особенно широкое распространение аренда имела на доменных землях монастырей, которые испытывали острую нехватку рабочих рук. Недостаток рабочих рук был, очевидно, повсеместным явлением, ибо новелла 964 г. Никифора Фоки, действие которой распространялось на все государство, прямо говорит о „втуне лежащих из-за недостатка обработки монастырских земель“ и рекомендует снабжать монастыри „рабами, волами, стадами овец и другого скота“ (*οικέτας παρέχοντες, βόας, ποίμνια τᾶλλα ὅσα ἕτερα τῶν κτηνῶν*)².

Ценные сведения об аренде монастырских земель содержит Пира.

Статья 6 титула XV прямо указывает, что принадлежащие церкви поля и здания сдаются в аренду и эмфитевсу³. Подобным образом сдают в аренду свои земли монастырь св. Фоки⁴ и монастырь Влахна⁵. Особенно важное значение по вопросу об аренде имеет первое „Определение“ (*ψήφος*) магистра Косьмы⁶.

Первое „Определение“ магистра Косьмы рассматривает вопрос об эксплуатации крупного феодального поместья, в частности — церковного, о париках и арендаторах, об их отношении к земле, на которой они сидят, и к феодалу, собственнику этой земли.

Согласно „Определению“, эксплуатация церковных земель осуществлялась путем сдачи их в аренду двоякого рода — эмфитевтическую, т. е. аренду на длительный срок, и аренду, определяемую термином *μισθωσις*, — на более короткий отрезок времени, а также путем поселения крестьян на земле поместья на основе так называемого парического права (*παρισικὸν δίκαιον*).

„Определение“ Косьмы противопоставляет эти два типа эксплуатации церковных земель, подчеркивая, что должным образом оформленные *ἐμφυτεύσις* и *μισθωσις* имеют законную силу, которая является гарантией того, что соответствующее земельное держание будет находиться в обладании и пользовании эмфитевта или арендатора (*ἐμφυτευθέντος ἢ μισθωθέντος*).

Что же касается держания на основе парического права, то оно всецело зависит от воли и согласия господина земли. Поселенный подобным образом парик не может продавать или передавать данный ему участок. В случае же ухода париков церковь получает обратно участок в полное свое распоряжение как законный хозяин (*κυριοπράγμων οὖσα καὶ δεσπότις*), выдавая парикам только материал для постройки жилища. Если же парики успели продать землю другим лицам, то продажа эта не действительна, как не имеющая законного оформления и совершенная не хозяином земли (*ὑπὸ τοῦ μὴ δεσπόζοντος*). Церковь имеет право получить свою землю обратно, если только продажа, совершенная париками, не может быть опротестована монастырем по давности времени, т. е. если не прошло 40 лет после продажи.

Документ содержит столь резкое противопоставление двух видов земельных держаний, что вывод о глубоком различии в положении держателей как в их отношении к участку земли, полученному во владение, так и к собственнику земли не вызывает сомнений.

¹ П. В. Безобразов. Завещание Воилы, стр. 107—115.

² Jus, III, p. 295.

³ Πείρα, XV. 6: . . . ἀγρὸς οἰκήματα . . . καὶ μισθῶνται καὶ εἰς τὸ διηκεῖς ἐμφυτεύονται.

⁴ Πείρα, XV. 9.

⁵ Ibid., XV. 10.

⁶ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XII—XV веков. Л., 1927, стр. XXXV—XXXVI.

Изучая данные источников о характере арендных отношений X—начала XI в., можно прийти к выводу о наличии у арендаторов некоторых прав на арендуемую землю. Известны случаи субаренды. Так, Пира сообщает, что арендатор, взявший в аренду проастий у монастыря св. Фоки, в свою очередь передает его Зографскому монастырю¹.

Арендаторы имели право расторгнуть арендное соглашение. Некий парик Иоанн Диаксин Феологит, упоминаемый в Патмосской писцовой книге, арендовал во владениях, перешедших в 1073 г. к Андронику Дуке, 230 модиев земли и платил за них 24 номисмы арендной платы. Однако ко времени составления документа эти поступления прекратились, так как арендатор отказался от выделенной ему земли².

Наличие у арендаторов известных прав на распоряжение арендуемым участком позволяет лучше понять природу пакта, арендной платы, о которой сообщает Податной устав.

Пакт, взимавшийся согласно Уставу в размере одной номисмы с 10 модиев земли, включал в себя государственные налоги (государственный канон, синифию, элатикон и др.) и дополнительные взыскания, в которых, очевидно, следует видеть подлинную арендную плату собственнику земли³.

На обязанности арендатора, пользовавшегося правом на арендуемую землю, лежала и уплата соответствующих государственных налогов с данного участка. Поэтому иногда трудно было отличить владение на основе аренды от владений крестьян-общинников, особенно если эти владения лежали в пределах одного села. В подобных обстоятельствах пакт, по свидетельству Устава, даже считается государственным налогом, исчисление его (т. е. собственно той части пакта, которую составляют государственные налоги) производится в соответствии с общей податной суммой (*σιζα χρισίου*) и на основе обычного порядка раскладки налогов.

Рассмотренный материал показывает, таким образом, что арендные отношения X в. нельзя считать формой феодальной зависимости, однако не может быть сомнений в том, что они создавали все необходимые предпосылки возникновения таковой. Об этом можно судить по некоторым данным источников. Так, Пира сообщает, что по прошествии 30 лет арендатор превращается в парика. Он владеет землей (разумеется, в феодальном смысле) и платит за нее ренту, называемую в данном случае пактом (на этом примере можно непосредственно видеть трансформацию старой арендной платы — пакта — в феодальную ренту, сохранившую, однако, старое свое название)⁴.

Любопытный материал по этому вопросу содержит и Патмосская писцовая книга. В ней рассказывается, что среди большого числа арендаторов, привлекавшихся для обработки доменальной земли в проастиях Андроника Дуки, значительную часть составляли парики данных имений⁵. Наряду с податями, которые со времени пожалования поместья шли уже не в казну, а новому владельцу⁶, парики платили арендную плату

¹ Πεῖρα, XV. 9. Многочисленные факты субаренды, правда, в основном связанные с городскими условиями, собраны М. Я. Сюзюмовым в его докторской диссертации „Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма“. Рукопись, т. IV. Свердловск, 1953, стр. 47.

² MM, VI, p. 7.

³ Tract., S. 123.

⁴ Πεῖρα, XV. 3.

⁵ MM, VI, p. 4—15.

⁶ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX, 2, 1948, стр. 249.

в сумме одной номисмы с 10 модиев арендуемой земли. Фактически аренда здесь мало чем отличалась от феодального держания, равно как и арендная плата превращается на деле в феодальную ренту. Возникает предположение, что среди париков многие были наследственными арендаторами и продолжали арендовать землю, попав в феодальную зависимость.

Одной из разновидностей аренды были договорные отношения на основе уплаты десятины, так называемой морты (*μóρτη*). Крестьяне садились на чужую землю с согласия владельца и платили последнему ренту в виде известного процента урожая, в данном случае его десятую долю. Морта зафиксирована в Земледельческом законе, который отчетливо формулирует характер отношений между земледавцем и арендатором (мортитом): „Доля мортита девять снопов; доля же земледавца — один сноп“¹.

Некоторое время в науке существовало выдвинутое Цахарие мнение, будто бы морта исчезает в последующий период истории Византии. Оно было опровергнуто уже В. Г. Васильевским, показавшим, что морта как институт существует и в последующие века². Положение В. Г. Васильевского нашло подтверждение и в работах советских византинистов³.

В X в. морта продолжает играть существенную роль в вовлечении крестьянства в феодальную зависимость. Договорные отношения на основе уплаты десятины превращались иногда в первичную стадию феодальной зависимости крестьян.

О морте упоминается в одном из афонских актов, датированном 1008 г.⁴ Речь идет о хорафии, ранее принадлежавшем монастырю Иоанна Грузина. Игумен монастыря Евфимий подарил данный участок некоему архидьякону Константину Фезелису и его семье, жившим в селе Аравеники близ Фессалоники.

Акт содержит заявления различных обитателей села Аравеники относительно земельного участка Фезелиса. Оказывается, Фезелис отдает полученный от монастыря участок в аренду своим же, очевидно, бедным, односельчанам, из которых один, Павел, арендовал этот участок у Фезелиса и „платил ему и его наследникам морту в течение долгого времени“ (*τὰς μούρτας*). После смерти Фезелиса его зять Стефан сдавал этот хорафий, видимо, на тех же условиях, другому односельчанину Иоанну.

* * *

Недостаток рабочих рук в феодальном хозяйстве первой половины X в. обуславливал и широкое использование труда мистиев.

Выяснению вопроса о социальной природе этой категории непосредственных производителей уделяли значительное внимание советские византинисты. Вывод Е. Э. Липшиц, исследовавшей этот вопрос на материале достаточно широкого круга источников, сводится к тому, что мистий — это „юридически свободный, фактически же близкий к рабу человек“, иначе „свободный в феодальном смысле, но фактически зависимый человек“⁵.

¹ Земледельческий закон, ст. 10.

² В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1880, № 7—8, стр. 99.

³ Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, т. III, 1950, стр. 49; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 129—130.

⁴ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, München, 1948, S. 109.

⁵ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, 1945, стр. 126—129.

А. П. Каждан, рассматривавший вопрос о мистиях в период IX—XI вв., считает, что мистии представляли собой наемных работников, батраков, вербовавшихся среди людей, по той или иной причине ушедших с насыщенных мест и искавших средств к существованию в чужих краях. За свой труд мистии получали заработную плату, которая по крайней мере частично была натуральной. Труд мистиев по сравнению с трудом феодально-зависимых париков, владевших собственными средствами производства, был невыгоден, и с течением времени мистии превращаются в обычных феодально-зависимых крестьян, т. е. закрепощаются помещиками¹.

Источники X в. содержат скудные сведения о мистиях, однако нет сомнения, что в этот период труд их находил значительное применение на домениальных землях крупных феодальных поместий. Об этом свидетельствует Податной устав, указывающий, что рабы, мистии и им подобные являются основной рабочей силой проастиев². Это подтверждает и житие Василия Нового, автор которого Григорий, владевший проастием во Фракии, обрабатывал его трудом мистиев³.

По свидетельству новеллы 934 г., вместе с вторжениями динатов и захватами последними крестьянских участков, в селениях водворялись мистии⁴. Видимо, следует предположить, что за счет именно их труда первоначально велась обработка вновь приобретенных динатами земель.

Много мистиев было в монастырях. Об этом сообщает житие Лазаря Галесийского⁵, а также некоторые монастырские акты, указывающие, в частности, что труд мистиев применялся в проастиях Латрского монастыря⁶.

Использование в феодальном хозяйстве труда наемных работников, равно как и существование различных видов аренды свидетельствуют о незавершенности в X в. процесса вовлечения крестьян — непосредственных производителей — в феодальную зависимость.

Источники данного периода не фиксируют еще такого разнообразия многочисленных категорий феодально-зависимого крестьянства, как впоследствии. Это закономерно, ибо в X в. происходит дальнейшее развитие феодальных отношений, складывание форм феодальной зависимости. Общий термин парик, употребляющийся в документах X в. для обозначения феодально-зависимого крестьянина, указывает на разные степени феодальной зависимости.

Первое „Определение“ магистра Косьмы называет, как мы видели, париком крестьянина, сидящего на чужой земле, пребывание на которой всецело зависит от воли и желания ее юридического собственника. Однако совершенно бесспорным является право этого парика уйти с занимаемого им участка. Следовательно, отношения феодальной зависимости, фиксируемые данным документом, еще далеки от подлинного крепостничества.

Важное значение для установления феодальной зависимости имело развитие присельничества.

Приселение на земли динатов было обычным путем, ведшим непосредственно к парикии для значительных в X в. масс крестьянства,

¹ А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. „УЗ Тульского пед. института“, вып. 2, Тула, 1951, стр. 84.

² Tract., S. 115.

³ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 193.

⁴ Jus, III, p. 247.

⁵ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 196.

⁶ MM, IV, p. 319.

согнанного с земли и лишеного собственности в процессе наступления феодального землевладения на сельскую общину. Новеллы, в частности, прямо говорят о приселениях на земли динатов стратиотов, „попавших в крайнюю бедность и уже не способных отправлять воинскую повинность“¹.

Присельничество нашло в изучаемый период отражение в практике пожалований париков представителям крупного феодального землевладения (главным образом церковного). Сохранилось несколько императорских хрисовулов, свидетельствующих о пожалованиях крупным монастырям определенного „количества“ (*ἀριθμός*) париков, число которых в принципе должно было оставаться неизменным.

Документы X в. позволяют проследить эволюцию в положении приселенных париков.

Согласно хрисовулу 960 г. Романа II, монастырю Иоанна Колову передавалось 40 „бестяглых“ париков². В „бестяглых“, т. е. не платящих податей париках, следует, очевидно, видеть лично свободных, лишенных земли крестьян. Акт 995 г., содержащий пожалование экскусии монастырю Иоанна Колову, освобождает от несения государственных повинностей также и его париков, „согласно хрисовулу, 40 по количеству“³. Следовательно, положение бывших „бестяглых“ париков за период с 960 по 995 г. существенно изменилось: превратившись в монастырских париков, они обязаны были уже платить ренту, состоявшую, очевидно, из государственных налогов, а также феодальных платежей в пользу монастыря. Пожалование экскусии в 995 г. предполагало новое изменение в их положении: освобождение от уплаты податей государству означало передачу этих платежей монастырю. Перед нами яркая картина развития паричской зависимости — когда на протяжении приблизительно 40 лет крестьянин, незадолго до этого бывший свободным, сгоняется с земли, в силу необходимости приселяется в качестве зависимого на землю монастыря, где, теряя последние остатки юридической самостоятельности в виде уплаты податей государству, все более закрепощается, превращаясь со временем в собственность монастыря.

Особый интерес представляют императорские хрисовулы, дарованные Перистерскому монастырю св. Андрея. Согласно этим хрисовулам монастырь получил в качестве пожалования 100 париков и дулопариков⁴.

В хрисовуле 1060 г. Константина X парики и дулопарики резко противопоставляются друг другу, как две различных категории зависимых крестьян, что позволяет предполагать в дулопариках более высокую ступень феодальной зависимости. Эту мысль подтверждают выводы Б. Т. Горянова, который по вопросу о дулопариках привлекает широкий материал источников (X—XIII вв.) и приходит к заключению, что дулопарики были полной собственностью их владельца и не могли выступать перед государством в качестве юридического лица, даже в качестве налогоплательщиков⁵.

Как уже отмечалось, принципиально установленным было положение, что данный *ἀριθμός* париков, пожалованных монастырю, считался не подлежащим изменению. В целях соблюдения этого положения государство проводило расследования. Лаврский акт 989 г. содержит отчет прото-

¹ Jus, III, p. 286.

² П. Успенский. Указ. соч., стр. 62.

³ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, S. 155.

⁴ Lavra, №№ 28, 30.

⁵ Б. Т. Горянов. Указ. соч., стр. 31.

спафария Симеона, которому император поручил провести одно из таких расследований¹. Симеон должен был проверить владения Лавры с целью выявления государственных париков, стратиотов и просодияриев, бежавших от несения государственных повинностей на земли Лавры, т. е. приселившихся в качестве монастырских париков. Обнаружилось, что таковые были. Симеон переписал их и вернул на прежние места, оставив Лавре 32 парика, т. е. тот *ἀριθμός*, который, как он утверждает, был дан монастырю указами Романа II и Никифора Фоки. Аналогичные мероприятия византийское государство проводило и позднее. Из материалов монастыря Павла Латрского известно, что в этом монастыре в 1175 г. по приказу дуки округа Милассы и Меланудия Андроника Кантакузина была произведена проверка документов, подтверждающих права монастыря на владение его париками. Некий Иоанн Хрисанф, областной чиновник по податным делам, которому было поручено это дело, нашел, что „не все парики принадлежат монастырю и поэтому не малое число их закрепил за казной, записав их в казенные писцовые книги“ (*οὐκ ἔλιγους τῶν τῷ δημοσίῳ προσεκυρώσαμεν, καταγραψάμενοι τούτους ἐν τοῖς δημοσιακοῖς πρακτικοῖς*)².

Необходимость контролировать соответствие пожалованного монастырям *ἀριθμός* париков их действительному числу сама по себе свидетельствует о том, что подчинение монастырями крестьян сверх установленной нормы было делом обычным и что монастыри неуклонно продолжали приобретение все новых и новых париков.

Понимая слабую эффективность своих попыток приостановить этот процесс, правительственные круги Византии с течением времени вынуждены были идти на уступки. Акты более поздних пожалований *ἀριθμός* содержат иногда указания на то, что данный *ἀριθμός* может пополняться за счет детей и родственников париков. Подобное указание содержит, например, хрисовул Никифора III от 1079 г.³

Если попытаться определить, какую роль играли пожалования *ἀριθμός* в изменении положения крестьян, то вряд ли можно сомневаться в том, что они способствовали дальнейшему закабалению париков. Пожалование *ἀριθμός*, видимо, могло и предшествовать приселению париков на земли феодалов и, наоборот, закреплять уже совершенные приселения. На наш взгляд, далеко не случайным является перечисление поименно всех 32 париков в акте 988 г. Пожалование *ἀριθμός* означало для этих крестьян еще один шаг к полному закрепощению: они отныне с санкции императора записывались за данным монастырем, что, конечно, оказывало решающее влияние на их дальнейшее положение. Нам представляется, что закрепление париков за монастырем в результате подобных пожалований имело прямым следствием лишение их свободы перехода, иными словами, вело к окончательному закрепощению.

Это может быть косвенно подтверждено тем, что обычно пожалование *ἀριθμός* или сопровождалось или предполагало в будущем получение данным монастырем экскусии либо частичной, либо полной.

Исследования, посвященные проблеме византийского иммунитета, установили, что в развитии экскусии в Византии наблюдалось несколько этапов, иными словами, в разные периоды византийской истории экскусия выступает в различных формах, развиваясь в направлении все

¹ Lavra, № 9.

² MM, IV, p. 11; В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1880, № 7—8, стр. 105—106.

³ Lavra, № 31: οὐκ ἄλλοθεν ἀναπληρουσθαι ἀφείλοντα τοῖς μοναχοῖς, ἀλλ' ἢ τῶν παίδων καὶ ἐγγόνων τῶν προσκεκληρωμένων τῇ μονῇ δουλοπαροίκων.

большого расширения налоговой экзимирированности, за которой впоследствии следует судебный и административный иммунитет¹.

Советские исследователи показали вместе с тем значение иммунитета как одного из важнейших средств усиления процесса феодализации, института, сущностью которого является подчинение крестьянина феодалу².

Развитие византийской экскусии, особенно интенсивно начавшееся с X в., в этот период проявляется в практике так называемых податных изъятий, т. е. освобождения от уплаты государственных податей отдельных представителей крупного феодального землевладения, в первую очередь монастырей.

В качестве одного из первых документов, в самых общих чертах предваряющего будущие экскуссионные грамоты, следует назвать сигиллий, выданный в 872 г. Василием I афонским монахам с целью ограждения их от вторжений как военачальников (*στρατηγῶν*) и царских людей (*βασιλικῶν ἀνθρώπων*), так и всякого рода мелких чиновников (*ἐσχάτου ἀνθρώπου τοῦ δουλείαν καταπιστευομένου*), частных людей (*ιδιώτας*) и деревенских жителей (*χωριάτας*)³.

Несколько позднее появляются документы, содержащие уже податные изъятия монастырей: указ Константина Багрянородного о частичном освобождении от податей париков Перистерского монастыря св. Андрея⁴, а также экскуссионная грамота, данная монастырю Иоанна Колову (995 г.)⁵.

Последний документ, содержащий довольно длинный перечень государственных должностных лиц, которым воспрещается вмешательство в дела монастыря, освобождает париков последнего от *χῶρτου καὶ προσοδίου ἀλλὰ καὶ μητάτου καὶ λοιπῆς πάσης ἐπιρίας*, т. е. государственных натуральных повинностей.

Особенно широкие податные льготы получала Лавра Афанасия в силу того, что это был императорский монастырь, пользовавшийся особыми привилегиями и милостями со стороны правящей верхушки государства. Известно, что в 80-х годах X в. Лавре принадлежало значительное число париков, освобожденных от несения государственных литургий. В частности, такие парики принадлежали Лавре в Хрисополе, где, по свидетельству акта 984 г., 25 парических семейств были освобождены от уплаты государственных налогов и, что особенно важно, платили подати Лавре (*ἐξκουσεύμενοι ἐν Χρυσοπόλει καὶ ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς τελοῦντες Δαύρα*)⁶. Таким образом, и этот пример подтверждает, что в результате экскусии, предоставленной парикам, последние в действительности вовсе не освобождались от несения податей: вместо государства подати шли господину, а личная зависимость париков, в силу этого, еще более увеличивалась. Из акта 989 г. ясно, что 32 парика, пожалованные Лавре указами Романа II и Никифора Фоки, также пользовались экскуссионными привилегиями⁷. Очевидно, в данном случае императорское пожалование *ἀριμός* сопровождалось в то же время освобождением жалуемых париков от несения государственных повинностей, однако, видимо, не полным: акт указывает, что эти 32 парика освобо-

¹ К. Н. Успенский. Экскусия-иммунитет в Византийской империи. ВВ, т. XXIII, 1923; П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908.

² А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 96—97.

³ K. Lake. Op. cit., p. 76.

⁴ Lavra, № 28.

⁵ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, S. 155.

⁶ Ibid., S. 148.

⁷ Lavra, № 9.

ждаются от несения *ἐπιθειαν*, *ἡ ἀγγαρείαν*, *ἡ ἀπληκτον*, *ἡ μιτάτον*, т. е. от государственных натуральных повинностей.

Исходя из документов X в., можно, таким образом, заключить, что в этот период экуссия не имела еще таких широких масштабов, какие она принимает в последующие века¹, и касалась в первую очередь государственных натуральных повинностей.

Поскольку в массе своей частновладельческие парики сохраняли в X в. зависимость от государства и платили частично государственные налоги, нельзя еще говорить о полной их крепостной зависимости от господ. X век не может поэтому считаться временем полного завершения процесса феодализации. О незавершенности этого процесса свидетельствует сохранение в этот период значительного слоя свободного крестьянства, использование в феодальном хозяйстве труда арендаторов и мистиев, равно как и наличие существенных градаций в положении самих париков.

¹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 96—97.